

Едва забрезжил рассвет, как вечнозелёное дерево огласилось неумолчным гомоном. Птичьи гнёзда сменялись здесь из года в год, и в это время года в лесу становилось особенно шумно — если не сказать утомительно.

Му Цинли лениво привалился к подоконнику, наблюдая за хлопотами пернатого семейства. Пара воробьёв уже состарилась, и этот выводок, скорее всего, был для них последним. Птенцы вот-вот должны были покинуть родные пенаты, и родители в отчаянной спешке пытались обучить их всему необходимому для выживания.

Цинли давно привык к этому щебету. Под него он надеялся выгадать ещё часок утреннего сна, как вдруг сквозь дрему услышал скрип двери. На плечи легло тонкое одеяло, но он даже не шелохнулся.

— Ну, и на этот раз что стряслось?

Му Июань, стоявший за его спиной, ничего не ответил, лишь молча поправил край одеяла. За последние пять лет он столько раз кочевал между деревней и долиной Жо, что проводил здесь времени едва ли не больше, чем в родном доме.

Разлад в семье Июаня начался пять лет назад, когда отец, воспользовавшись отсутствием сына, привёл в дом мачеху. Гнев и чувство предательства тогда едва не испепелили юношу изнутри. Мачеха была всего на восемь лет старше него, и как бы она ни старалась угодить пасынку, тот и слова ей не говорил. Пока Июаня не было, в доме царил мир, но стоило ему вернуться — начинались склоки. Отец души не чаял в молодой жене, а та, в силу возраста, не умела скрывать недовольства, что лишь подливало масла в огонь. Июань спорил только с отцом, но со временем всё чаще и дольше уходил в долину Жо.

Три года назад, после фразы «где появляется мачеха, там и родной отец становится отчимом», парень получил от родителя пощёчину за непочтительность. В тот же день он собрал вещи и ушёл к Му Цинли, бросив напоследок: «Считайте, что я тоже теперь Небежденный ребенок». Эти слова не на шутку перепугали старейшин рода, и они едва упростили его остаться, но между отцом и сыном с тех пор пролегла пропасть.

Для Му Июаня долина Жо стала настоящим домом, а Му Цинли — единственным близким человеком.

— Ну так что? — повторил Цинли. — Твой старик опять взялся за старое?

— Та женщина забеременела. Так что с этого дня я живу здесь, — ровным голосом ответил Июань.

Му Цинли искоса взглянул на него:

— Насовсем?

— Насовсем, — подтвердил тот кивком.

Му Цинли помрачнел, отведя взгляд к окну, словно пытаясь за горными пиками разглядеть далёкий внешний мир.

— Поживи пару дней и возвращайся. Ты не привык к такой жизни.

— Я столько времени провёл с тобой, так что привыкать не к чему, — Июань едва заметно улыбнулся.

— И много ли того времени было? — Цинли иронично приподнял бровь. — Всего-то по паре месяцев в году.

— А разве этого мало? — возразил Июань.

Му Цинли покачал головой.

— Жизнь длинная. Настанет день, когда ты захочешь вернуться в свой мир, жениться, завести детей... А я? Пока я Небежденный ребенок, я не могу уйти. Мой путь отсюда лежит только в могилу.

Он обернулся и посмотрел Июаню прямо в глаза. Взгляд его, глубокий и спокойный, казалось, читал саму суть человеческой жизни.

— Если останешься, этот мир со временем погубит тебя.

Странно, но Цинли всегда видел будущее других людей, однако будущее Июаня оставалось для него закрытым — точно так же, как и его собственное. Это неведение, раньше не тяготившее, в последние годы стало вызывать глухую тревогу.

— Доживём — увидим, — беспечно пожал плечами Июань. — Я уже полил огород, пока шёл сюда. Где у тебя тяпка? В аптекарских грядках полно сорняков. Кстати, — добавил он, уже начав поиски инструмента, — я видел, как тот Жирный кролик потащил какого-то серого кролика в сторону твоих посадок.

Стоило Цинли это услышать, как он мгновенно вскочил, пылая праведным гневом.

— Ну всё, сегодня я точно его зажарю!

Закатав рукава, он с решительным видом вылетел из дома. Добравшись до грядок, он застал эпичную картину: мерзкий жирный комок меха усердно выкапывал передними лапами женьшень, при этом не забывая нежно подталкивать локтем тощего серого кролика — мол, «сейчас добуду, и попируем!».

— Ах ты, жирная туша! — взревел Цинли.

Кролик на инстинктах пустился наутёк. Серый кролик впал в ступор, не понимая, что происходит. Му Цинли даже не пытался их преследовать. Он лишь спокойно начал отсчёт:

— Один... два... три.

Едва прозвучало «три», Жирный кролик запнулся на ровном месте, кубарем пролетел несколько метров и — БАМ! — со всего маху впечатался в дерево. Бедолага завалился на спину, в глазах его закружились звёзды.

— Ну и куда ты собрался? — Му Цинли подошёл к воришке и легонько ткнул его носком сапога. Брюшко кролика отозвалось студенистым колыханием. — Сколько же моего женьшеня ушло в это сало... Интересно, если тебя потушить, будет ли мясо отдавать целебным корнем?

— А с этим что делать? — Му Июань поднял замершего серого кролика. — Кожа да кости. Не чета этому обжоре. Глупый какой-то, даже убежать не догадался.

— Совсем доходяга, — Цинли снова пнул Жирного кролика. — Признавайся, небось всю молодую траву у подружки отобрал? Хотя погоди... — он присмотрелся к серому кролику. — Да это же самец. Так ты, значит, брата обделил?

— Почему сразу брата? — Июань с любопытством взглянул на Цинли. — Может, это всё-таки его «زازноба»?

Цинли закатил глаза:

— Это два самца. Какая ещёزازноба!

— Ну, если мужчины могут быть вместе, то почему двум кроликам нельзя? — невозмутимо парировал Июань.

Му Цинли лишь усмехнулся, не найдя, что ответить. Он знал, что между мужчинами бывают чувства, но слышать такое от Июаня было странно. Возникало ощущение, будто тот намекает на их собственную жизнь здесь, в долине, что казалось Цинли совершенно невозможным. Он был Небежденным ребенком, изгоем, и не смел даже надеяться на чью-то преданность, а уж тем более не хотел ломать жизнь другу.

Июань, заметив, как помрачнел собеседник, не стал настаивать.

— Так что, правда в котел? — он пощекотал серого кролика, который лишь мелко задрожал.

Му Цинли посмотрел на необъятное пузо Жирного кролика. Если его действительно зажарить, хватит на неделю сытных обедов. Почуввав неладное даже в беспамятстве, кролик судорожно дёрнул задней лапой.

«Если я его съем, с кем же мне потом воевать?» — подумал Цинли и коварно улыбнулся.

— Есть идея получше.

Заметив этот оскал, Июань почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он мысленно посочувствовал кролику. Серый «соучастник» лишь непонимающе склонил голову набок. «Когда уже дадут морковку?» — читалось в его взгляде.

День выдался на славу: ясный, солнечный, с бодрящим ветерком. Пользуясь погодой, друзья занялись делом: пололи грядки, поливали лекарственные травы, собирали созревшие корешки. Му Цинли решил на этот раз огородить овощные посадки плетнём. Работа в четыре руки спорилась.

А неподалёку, на дереве, покачивалась большая корзина. В корзине сидел Жирный кролик.

Когда воришка наконец пришёл в себя, он долго не мог понять, что не так. Почему мир шатается? Землетрясение? Он осторожно шевельнулся, и амплитуда раскачивания лишь увеличилась. В голове окончательно прояснилось: это было не землетрясение, его просто подвесили в воздухе! И очень высоко!

«Я же боюсь высоты!» — в панике подумал он, вцепившись когтями в прутья.

Кто это сделал — гадать не приходилось. Кролик робко заглянул за край корзины и увидел... своего серого приятеля. Тот сидел внизу, на мягкой подстилке у корней дерева. Но главное было не это! На подстилке лежала огромная, сочная, ослепительно белая редька. И серый друг со всем старанием, методично, кружась вокруг неё... грыз! Грыз так вдохновенно, что даже Жирный кролик, заворожённый этим зрелищем, на миг забыл о страхе.

«Друг! Ну как оно? Вкусно?» — безмолвно вопрошал узник, вытянув шею.

«Потрясающе!» — серый даже ухом не повёл.

«Дай кусочек...» — жалобно заскулил Жирный.

«Спускайся — поделюсь», — вредно отозвался тот снизу.

Это было жестоко. Жирный кролик посмотрел на землю, прикидывая шансы. Если прыгнуть, он точно переломает все лапы.

Му Цинли, наблюдая за мучениями кролика, хохотал так, что едва не свалился в грядку, если бы Июань вовремя не подхватил его под локоть.

— Ой, не могу! Июань, глянь на этого тупицу! Ему всего-то надо по стволу соскользнуть, а он круги в корзине нарезает!

Корзина опасно кренилась при каждом движении, грозя перевернуться под весом этой меховой горы. Цинли выбрал самую большую корзину, но кролик втиснулся в неё так плотно, что казался деталью, подогнанной на заводе.

— Когда ты его снимешь? — с улыбкой спросил Июань. — Он же и правда свалиться может.

— Не бойсь, я там сена навалил — целую гору. При его жировой прослойке максимум — задницу отобьёт, — Цинли всё не мог успокоиться. — До вечера повисит, пусть подумает над своим поведением. Столько женьшеня перепортил, когда ещё такой шанс проучить его выпадет?

— Ну, как знаешь, — покладисто согласился Июань. — Что у нас на обед?

— А чего тебе хочется?

— Мне всё равно. А тебе?

Му Цинли хитро прищурился:

— Ты в прошлый раз про какую-то рыбу в кисло-сладком соусе рассказывал... Помнишь? Сможешь приготовить?

— Теперь — смогу. Специально перед уходом у деревенских кухарок выведал все тонкости.

— Решено! — Цинли с энтузиазмом хлопнул в ладоши. — Сходим к ручью, наловим рыбы, наберём свежей зелени. С меня рис, с тебя — рыба.

— Договорились.

Друзья собрали инструменты и направились к воде. А под деревом серый кролик продолжал упоённо хрустеть редькой, пока Жирный кролик, запертый в небесах, глотал слюнки, которые капали вниз, точно мелкий грибной дождик.

Жизнь — боль. Особенно когда ты слишком толст для побега.

<http://bllate.org/book/17533/1706441>